Ludmila Alexeyeva, interview with Philip Boobbyer, Moscow April 2003, transcript in Russian

Часть 1

ЛА: [...] это не автобиографическая книжка, это книжка не обо мне, это книжка о моем поколении. Но конечно там, где моя жизнь типична для моего поколения, я, как говорится, иллюстрировала это своей собственной жизнью, просто потому что она мне лучше всего известна (смеётся).

ФБ: Да, конечно.

ЛА: Да. Вот. Ну и в частности, я там писала в *The Thaw Generation*, что, чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, в том, что так действительно не только у меня, но и... (пауза) и даже не только в моем поколении, а вообще в России, и до этого и после этого... Это влияние на духовное... (пауза) развитие человека, людей, через поколения. Вот не родителей на детей, а бабушек... Ну, у кого есть, и дедушек, но у нас бабушки более живучие. В основном [влияние] бабушек на детей. Почему? Потому что в России так сложилось уже даже на моем поколении – моя мама уже... Это вот на Западе женщины стали работать гораздо позже в массовом порядке, чем в России. Я 1927го года рождения, и моя мама уже была из поколения работающих.

ФБ: Да, да.

ЛА: Причем не просто работающих, а она [была доктором наук] по математике. Естественно, у меня очень хорошая была мама. Я не могу сказать, что она меня не любила или не хотела уделять мне внимание. Я ее мало видела. Она была работающая женщина. А воспитывала меня бабушка. В этом отношении я очень типичный человек. Ну моя бабушка, собственно, была еще из дореволюционных. Она правда, бедняжечка, тоже работала, но просто потому что умер ее муж, и она осталась молодой вдовой с тремя детьми, и ей пришлось работать. Но пока был жив муж, конечно, никаких разговоров о работе не было.

Бабушка была очень типичная такая домохозяйка, и я должна сказать, что если говорить о моем духовном формировании, это ж в детстве происходит, на самом-то деле...

ФБ: Конечно.

ЛА: Вот. То это бабушка, а не мама. Не моя мама, которая была там комсомолка, партийная, работающая, образованная, а бабушка, с четырьмя классами приходской школы. Вот. Но. У меня была особенная бабушка, для России. Она – эстонка. Это, знаете, еще во времена Екатерины, когда Крым завоевали, Россия [завоевала], она раздавала землю в Крыму колонистам. Крымские татары многие уехали в Турцию потому что их преследовали за религию. И она селила туда колонистов.

И вот мне бабушка рассказывала, что её дед, бедный крестьянин эстонский – у них даже не было лошади – он погрузил свое имущество на тачку, дети сидели в тачке и какие-то пожитки, а он и жена шли пешком, из Эстонии в Крым. Дошли за несколько

месяцев. Но это была целая эстонская деревня с татарским названием Джурчи, потому что брошенная татарами... И они очень, по российским [меркам], богато жили. У них были каменные дома с крашенными полами, двухэтажные. В доме было пианино. Понимаете? То есть в России крестьяне так не жили. А это была крестьянская семья, они держали батраков, большая семья, работали сами...

Вот. И бабушка была протестанткой, естественно; лютеранкой.

ФБ: Бабушка? Интересно.

ЛА: Да, бабушка – мама мамы. Она была лютеранка, правда лютеранка очень поверхностная. Потому что дедушка был украинец и православный. И когда они познакомились, то тогда в России еще не было гражданского брака, надо было венчаться в церкви, только так можно было записаться мужем и женой. И поскольку это была Россия и православная страна, то конечно не он перешел в лютеранство, а она, совершенно спокойно, 18-ти летняя девочка, взяла и сменила религию ради того, чтобы выйти замуж за того, за кого она хотела. Он тоже был человек к религии равнодушный, ему было все равно, что она протестантка, но они соблюли правила того времени – они венчались в православной церкви. И поэтому мама не получила такого, настоящего религиозного воспитания, хотя там крестили, конечно, как полагалось...

К чему я это рассказываю. Я думаю, и с удовольствием думаю, что благодаря бабушке у меня протестантская этика (смеётся). Я считаю так (смеётся).

ФБ: Как Вы это определили?

ЛА: Вот например я Вам скажу (смеётся)...

ФБ: (смеётся)

ЛА: Серьезно!

ФБ: Да, я об этом и интересуюсь.

ЛА: Ну да. Я ведь не знала, что такое протестантская этика. Я это выяснила взрослая, когда Вебера прочла, понимаете? До этого я не знала, что такое протестантская этика, но я выяснила по Веберу, что у меня протестантская этика.

Бабушка мне рассказывала... Причем, бабушка всегда вела хозяйство. И если было свободное время, скажем, она выходила посидеть на лавочке. Мы жили в Останкино. Это был глубокий загород. Знаете, такие двухэтажные бараки, с печами, вода во дворе, за домой такие сараи, в которых дрова – печь топить; и лавочки. Домохозяйки, когда были свободны, выходили, сидели, разговаривали. И вот все выходили и просто сидели, а моя бабушка, она обязательно... Она выходила, но она при этом или штопала, или вязала, или подшивала что-то из того, что она шила. И когда ей говорили... Она вообще крещена была так: Анетта-Мариэтта-Розалия Яновна Синберг. Вот. А после того, как она вышла замуж за православного, она стала Анной Ивановной Ефименко. И вот ей говорили: “Анна Ивановна, ну что мы все сидим, а ты вот... Ты что,

не можешь отдохнуть?" А она говорила: "Мне как-то, когда я сижу и ничего не делаю, мне не по себе". А мне она объясняла: вот они говорят [мол] почему ты так не посидишь? А у нас, говорит, как считалось в семье, что не работать – грех. Ты можешь, конечно, пойти к подруге или подруга придет к тебе, но при этом ты должна или вязать, или вышивать, и при этом разговаривать или петь, пожалуйста. Но *просто так* сидеть, когда ты не спишь – как это так, зря время терять? Понимаете? И Вы знаете, у меня такая же история. Я до сих пор не могу, я – старый человек, я до сих пор не могу, когда я...

ФБ: Понятно.

ЛА: Понимаете? Это она меня выучила, что надо что-то или руками, или... Вот если я одна остаюсь, я обязательно хватаю или что-нибудь читать, или что-то такое...

ФБ: Вы чувствуете себя виноватой, что Вы ничего не делаете?

ЛА: Нет. Мне просто как-то...

ФБ: Не по себе?

ЛА: Мне все время хочется...

ФБ: Что-то делать?

ЛА: Что-то изменить Вот когда я просто сижу, мне как-то не по себе, да. И это потому, что бабушка в детстве меня так же заставляла.

ФБ: Думаете ли Вы, что Ваши диссидентские действия связаны с этим [чувством, что] надо что-то изменить, что-то делать?

ЛА: Вы знаете, я не знаю напрямую связано ли это, но я могу сказать, что чем я выделялась всегда и на работе, и в диссидентской среде – это тем, что я человек организованный. У меня с детства [это], утром я пишу, что я должна за этот день сделать. Потом я расписываю, думаю, в каком порядке это надо делать. Если я что-то не доделала, то значит, когда я пишу на следующий день, я смотрю, ага, вот это я не доделала, это можно или отложить или надо перенести на этот день. То есть у меня каждый день рабочее расписание. Я не знаю, наверное эта черта была не просто от воспитания, но воспитание усугубило эту черту. Я вообще по натуре не философ, не учитель, не богема, я – организатор.

ФБ: Понятно.

ЛА: Вот. Я была организатором в жизни и я была организатором в диссидентском движении. И это от того, что я – человек организованный. Понимаете?

ФБ: Вы сами религиозный человек?

ЛА: Нет.

ФБ: Когда вы говорите о протестантской этике, это больше об этике, а не о религиозном моменте?

ЛА: Нет, именно так. Во-первых, я не могу быть религиозным человеком потому что я в религии глубоко невежественный человек. Вот я Вам говорю, семья бабушки и дедушки была удивительная в этом отношении, потому что они оба равнодушно относились к религии. Про дедушку... Он умер в 1913-м году, я его никогда не видела. Но бабушка рассказывала, что дедушке говорили: “А что это Вы, Афанасий Петрович, когда в церковь ни придете, всё Христос Воскресе поют?” Он ходил в церковь один раз в году на Пасху, он любил пасхальные пения, вот. Он как на концерт ходил. Он не ходил в церковь. Это редко довольно бывало до революции, тем более что он не какой-то там интеллигент был, а приказчик в мануфактурной лавке – ничего особенного.

Бабушка говорила: “Вот эти вот православные попы, они же существуют на то, что им прихожане дают. И поэтому когда он подходит к тебе, он не в душу тебе смотрит, не в глаза, он в руки тебе смотрит – что ты ему дашь. Вот у нас пастыри, – говорила она, – Они получают зарплату от прихода – их приход содержит. Но, что бы они ни делали, там, венчания, свадьбы... Как пастырю деньги дать? Это пастыря унизить! Мы не смели бы пастырю протянуть... Это неприлично! И пастырь, и я [от стыда] просто провалились бы сквозь землю. А здесь, этот смотрит, ему надо обязательно... Фу!” Это ей очень не нравилось. Но с другой стороны именно потому, что она была лютеранка, она говорила: “Я детей гоняла в воскресную школу, говорила: «Идите-идите, а то скажут, что у вас мать – лютеранка, поэтому вы не ходите»”.

То есть они соблюдали приличия, но это была нерелигиозная семья. Потом бабушка со смехом рассказывала как на Пасху они напекли, как полагается, куличи и пасху, и надо же их освятить утром и после этого начинать есть. А она говорила: “А как хорошо свеженький, когда из печи”. Так она один пекла, чтобы сразу съесть, а остальные уже нести в церковь. И она говорила, священник у них ходил по домам святить, ну к тем, кто более-менее деньги имел, опять же, чтобы при этом платили. Так она говорила: “Мы только разрезали кулич, сели все за стол, а тут батюшка идет”. Еще не освещенный, понимаете? Она говорит: “Я скорее со стола прибирать. А он ходит, наверх глаза закатил: «Мир дому сему», как будто не видит, что я кулич убираю. Ну я ему побольше дала, и все в порядке”. То есть, понимаете, у нас было так...

ФБ: Понятно.

ЛА: И никто меня этому не учил. Никто мне ничего этого не объяснял. Евангелие и Библию я прочла уже взрослым человеком, поскольку мне было интересно было; я и Коран прочла. Понимаете? Ну я не могу сказать, что *очень интересно*, но просто я считаю, что ну как это так – не знать этого? Ведь очень многие вещи, вот например смотришь на картину, и если ты не знаешь сюжетов, то ты не понимаешь, о чем картина; ну так же как Греческая мифология... Так что я не могу сказать, что я человек религиозный. Но, если смотреть, как меня бабушка учила – она же меня не только учила тому, что вот... Есть смешные вещи тоже, именно такие, знаете, вот, как теперь я понимаю с протестантской точки [зрения]... Например она меня научила, что если ты

идешь по улице и видишь в грязи, в снегу валяется копейка, надо поднять и положить в карман, потому что иначе денег не будет в семье. И до сих пор у меня это. Вы знаете, иной раз я вижу копейку и смотрю, как окружающие с неким удивлением смотрят, как я нагибаюсь, поднимаю эту копейку... Ну потому что меня научила бабушка, ой я не могу... (смеётся) Ну вот есть какие-то вещи, которые привычны с детства. Причем я могу не взять сдачу, это пожалуйста, но вот если ты нашла, то надо поднять – это меня бабушка [учила].

Ну она конечно меня не только ерунде такой учила, а вот то, чему она учила на самом деле – это, в общем, жизнь по заповедям. И поэтому, не будучи человеком религиозным... Вот заповеди, я их не знала, вот эти 10 заповедей. Но она, например, говорила мне такую вещь... И вот это, я должна сказать, что это уже серьезно, потому что это до сих пор является моей жизненной философией, и я уверена, что это было и жизненной философией мое матери. Потому что, это начиная с поколения моей матери, бабушка воспитывала. А маму-то воспитывала она, она сидела дома и занималась детьми. Понимаете? Это началось с поколения моей матери, когда *через* поколение стало влияние передаваться, потому что родители [были] работающие, а бабушки уже пенсионерки. Вот. И вот это от бабушки и до сих пор – то, что является моим главным жизненным правилом. И кстати сказать то, что *наверное* привело меня в правозащитное движение. Это она мне говорила – вот самое главное правило в жизни – она не говорила, что это заповеди Христовы, нет – она просто говорила так, самое главное правило в жизни – это, если ты с человеком общаешься, ты должна поставить себя на его место.

ФБ: Это бабушка [говорила]?

ЛА: Бабушка. Причем она не то, что один раз. Это, знаете, она мне ‘вдолбила’, что называется: “Ты должна поставить себя на место этого человека. Ты должна относиться к людям так, как хочешь, чтобы они к тебе относились. И никогда не делай человеку того, что не хочешь, чтобы он тебе сделал”.

ФБ: Это по Канту?

ЛА: Ну, она Канта не читала (смеётся).

ФБ: Кант сам был протестантом.

ЛА: Да – никогда не делай человеку то, чего ты не хочешь, чтобы он тебе сделал; относись к человеку так, как хочешь чтобы он к тебе относился. И остальное всё приложится. Вот *это* главное жизненное правило.

ФБ: Да.

ЛА: Понимаете, и оно у меня осталось этим главным жизненным правилом. Я действительно так живу. А потом, когда я стала читать Евангелие и 10 заповедей, они ведь все в это укладываются, в это одно. Понимаете? Не убий потому что не хочешь чтобы тебя убили, не возжелай жены ближнего своего и так далее... (смеётся)

Вот. И еще одно правило. И тоже, к сожалению, я не могу сказать, что я его выдерживаю всегда, но, когда я его не выдерживаю, я знаю, что поступаю плохо и стараюсь реже не выдерживать. Это она мне говорила, что если ты сделала что-то плохое – человек слаб, все мы иногда делаем что-то плохое – это не так уж страшно. Страшно, если ты [...] (Телефонный звонок)

[...] если ты, для того, чтобы скрыть, что ты сделал плохо, начинаешь врать. *Это*, это вот очень плохо! И за это надо человека тяжко наказывать. И она меня наказывала, когда ловила на лжи.

ФБ: Бабушка?

ЛА: Да! Причем надо сказать, меня не били абсолютно, никогда не били, ко мне никто пальцем не прикоснулся. К счастью. Потому что, я должна сказать, что мы жили в таком рабочем районе, и почти во всех семьях детей били. А у меня этого никогда в жизни [не было]. Самое страшное, как меня бабушка наказывала – это действительно было страшно, я страдала неимоверно – она переставала со мной разговаривать. Она говорила: “Ты соврала мне. Я не хочу с тобой говорить, я не хочу тебя видеть!” У нее делалось каменное лицо, она молчала, и, когда я к ней подходила, она вот так вот (показывает) отворачивала голову. И в зависимости от того, сколько это тянулось, иногда это был час, а иногда это было 2-3 дня. Я рыдала целыми днями, мне ничего на свете было не надо кроме того, чтобы бабушка опять стала со мной разговаривать. Это было очень страшное наказание (смеётся).

Понимаете? И я думаю, [что] она была такая, довольно властная женщина, бабушка, совсем не мягкотелая. Но вот у нее были такие заложены... И Вы знаете, я вот до сих пор – мне сейчас 75 лет, и не только до сих пор, это очень интересное свойство памяти – чем я старше становлюсь, тем чаще я вспоминаю бабушку, её слова, чему она учила, и как она со мною [обсуждала] какие-то случаи из жизни... Ну вот в частности, она одевала меня так, знаете, она сама шила такие платья с оборочками, здесь, здесь (показывает), такой бант и так далее... А я была дворовая девчонка. Я выскакивала и начинала в казаки-разбойники играть, понимаете? Перемажусь как не знаю что! Она меня по 2-3 раза в день переодевала, мыла-одевала, чтобы я была чистенькая, с бантами, с плойками... Это плойки называется, здесь вот такое (показывает), все на крахмале и так далее. Я от этого страдала, я бы предпочла, чтобы на меня что-то такое надели, чтобы я могла там вместе со всеми кувыркаться тем более, что я одна приходила такая как кукла. Понимаете? Вот. И ей говорили её соседки, с которыми она на лавочке сидела: “Ой, Ивановна, ты внучку балуешь!” А она говорила: “Балую. Но ведь надо чтобы кто-то человека баловал, нельзя же всю жизнь со всеми строго, а кроме меня её никто не будет баловать. Я её балую, да!” (смеётся).

То есть понимаете, у неё как-то... Но вот, я говорю, что вот это наказание бывало мне очень даже... Причем меня никогда не наказывали за то, что я вымазалась или что-то порвала, меня за это не наказывали. А вот если я совру или что-то нехорошее сделаю, знаете, вот тогда... То есть воспитание было, я считаю, правильным, понимаете? И вот еще... Кстати сказать, это наверное против протестантской этики, это уж совсем по-христиански, но не протестантизм. Я помню у нас был такой случай – по нынешним

временам мы очень бедно жили, хотя по окружению мы были одна из самых богатых семей потому что там вокруг беднота просто – но вот мама купила себе какую-то такую меховую шубу, белая такая, в кудряшках, я даже не знаю, что это такое, молодой баранчик может быть, не знаю... А у отца был какой-то там праздничный костюм, скажем. И вот на лето, это пересыпали нафталином и укладывали в диван, вниз. Квартира была на первом этаже, и один раз кто-то летом влез, подошел к дивану, вынул это и ушел. То есть это был человек, который знал, где это лежит. И когда обнаружили эту пропажу, мама чуть не заплакала, знаете, это для молодой женщины, приобрела шубу... (смеётся) И я помню реакцию бабушки, она топнула ногой и сказала: “Не смей плакать! Все, что связано с деньгами – это ерунда! Есть деньги – хорошо, нет денег – печалиться не стоит, мы проживём. Мы не такое переживали. Плакать надо когда что-то с близкими случается: заболели, умерли... А то из-за какой-то шубы, как тебе не стыдно!” И мать сразу: “Да, да, да, конечно!” И, этому тоже выучили, что нельзя из-за денег переживать.

И действительно, это очень в жизни помогало, потому что разные были периоды. Иногда более-менее благополучно, а иногда, особенно в связи с диссидентской деятельностью, когда и меня, и мужа отовсюду повыгоняли, то, скажем, несмотря на то, что у меня в доме двое мужчин, но у нас, не из-за религиозных соображений, постная пища была 4 раза в неделю, потому что у нас не хватало денег (смеётся) на то, чтобы купить мясо или рыбу. И ничего, мы жили, не переживали, и мои дети тоже не переживали, я их тоже научила не переживать из-за этого. Всяко в жизни бывает, и не этим должны определяться, не только настроение, но и выбор жизненного пути. Вот это уж совсем не протестантская этика – с нашей точки зрения не нужно формировать свою жизнь так, чтобы деньги зарабатывать, потому что не в деньгах счастье. Когда они есть – это конечно очень приятно, я не могу сказать, что я – аскет, и они мне не нужны. Но если их нет, ...

ФБ: То не беспокоитесь.

ЛА: Я правда не беспокоюсь. Я моментально внутренне перестраиваюсь, у меня были в жизни вот такие [моменты], по-разному. Как только нет денег, то я просто прохожу мимо тех магазинов, где дороже, я иду туда, где дешевле. А когда появляются деньги, я иду туда, где дороже. И всё! И больше никаких переживаний по этому поводу нет. И это очень в жизни помогало, что не было ориентира на зарабатывание денег. В советской России это чрезвычайно помогало, потому что ну какие там заработки? [Чтобы] заработки были, надо было уходить ‘в тень’, врать, изворачиваться. Этого у нас не было, ни у матери, ни у моих детей. И это тоже та же самая бабушка, хотя это уже не протестантская этика, а уж не знаю, что такое. Это тоже от нее – из-за денег переживать нельзя.

ФБ: Если попробовать сделать большой обзор движения по правам человека, этика тех людей, которые занимались, скажем, *Хроникой (Хроника Текущих Событий)* Инициативной группы, для меня довольно трудно было [найти] что-то общее, потому что каждый человек имел свои побуждения. Были религиозные люди, протестанты, были люди просвещенные, скажем, последователи этики Канта, довольно трудно найти общее...

ЛА: Вы знаете, это понятно почему. Потому что диссидентское движение [того времени] не было движением единомышленников, это было движение людей – я имею в виду не правозащитное, а именно диссидентское движение, более широкое...

ФБ: Но даже среди правозащитников ...

ЛА: И даже среди правозащитников. Я скажу про диссидентское движение. Конечно потому что туда приходили все, кто тяготился несвободой и вот этими (пауза) фарисейскими канонами, которые нам навязывала официальная идеология и власть. И поэтому там были самые разные люди, и марксисты, и анти-марксисты, и люди религиозные и так далее. Что касается правозащитного движения: это тоже не было однородным движением, так скажем. Почему? Вот есть у Чалидзе статья, очень хорошая на эту тему. Я к сожалению не помню, где она напечатана. Но, идея этой статьи была такая: правозащитное движение объединяют по крайней мере два типа людей – это с одной стороны люди, действительно одухотворенные идеей защиты прав человека и соблюдения прав человека, а с другой стороны это люди – политики и борцы по натуре. И они пошли в правозащитное движение просто потому, что тогда это была самая эффективная форма противостояния советской власти; если бы были возможны политические партии, они бы не были в противозащитном движении.

ФВ: Они были бы в политике...

ЛА: Да. Такие люди, как Красин, Буковский, они политики *по натуре.* И поэтому для них лозунги прав человека, для кого осознанно, для кого неосознанно, были неким прикрытием политической сущности их противостояния власти. Я как раз принадлежу к тем, для кого все-таки права человека [важнее], и не случайно мы не пошли сейчас в политику; нам и тогда это было чуждо, и сейчас. А есть такие люди, которых даже не поймешь. Вот например генерал Григоренко, он в каком-то смысле был политиком, а в каком-то правозащитником, он как-то и туда, и туда относился, но он борец, конечно, по натуре.

ФБ: Да. Интересно.

ЛА: Вот, понимаете, почему я вспомнила о статье Чалидзе, потому что когда я прочла её, я подумала: “И в самом деле!” Но я прочла это уже в эмиграции. А [когда] я жила среди этих людей, я сама четко не понимала, в чем разница. Я чувствовала, что есть разница, даже между мной и Буковским, в подходах... Но я не сформулировала для себя, что они – политики, а мы – правозащитники. Только когда я прочла у Чалидзе, я поняла, что он правильно это дело квалифицировал.

ФБ: Я посмотрю. Конечно есть это, я сразу так считал, что разница есть между теми, кто занимался политикой и теми, кто занимался моральными [вопросами], хотя даже здесь сложно. Потому что например когда Ковалёв говорит о моральных ценностях, он имеет в виду закон, право, но законы есть и другие. Когда Горбаневская говорит о ценностях, они имеет в виду ценности Христианские.

ЛА: Это верно.

ФБ: Значит даже [относительно] морали говорить – довольно сложно.

ЛА: Да, вот есть это тоже. Вы знаете, наше движение, оно апеллировало к праву, апеллировало к закону. Но на самом деле большинство людей, принадлежащих к нашему движению, никакого права не знали. И в общем, Вы правы, апеллировали к морали, включая меня. Но у нас были и законники – люди, которым близок и интересен именно такой, юридический тип мышления.

ФБ: Ну как и сам Чалидзе.

ЛА: Как Чалидзе, как Цукерман, как Альбрехт... И конечно самый первый зачинатель – Есенин-Вольпин. Он действительно учил законы и мыслил так. Я помню как Есенин-Вольпин обращался ко мне и моей подружке Наташе Садомской: “Девчонки, вы бы хоть выучили права на допросах и в заключении, потому что ведь посадят, а вы ничего не знаете”. А мы отвечали: “Вот когда посадят, тогда потребуем Уголовный Кодекс и там изучим”. Потому что мне до сих пор невыносимо читать законы, ну не ложится у меня это в голову. Я конечно что-то знаю, потому что иначе работать нельзя, но это не мое. И самое интересное, Лариса Богораз, она тоже не читала. И когда её посадили за эту демонстрацию – она меня назвала своей сестрой двоюродной, чтобы меня пускали на свидания и так далее, и мне дали свидание в тюрьме после суда – я её спросила: “Что делаешь в камере?” Она так хохотнула и говорит: “Потребовала Уголовный Кодекс. Изучаю”. Я покатилась со смеху, потому что это то, что мы говорили, мол, когда посадят, тогда уже будем учить (смеётся). Она так и поступила (смеётся). А так как меня не посадили, то я и не читала этого.

И потом Альбрехт написал такой, знаете, длинный [текст], как вести себя на допросе.

ФБ: Я знаю, у меня есть.

ЛА: Да. И некоторые прямо восхищаются и говорят, что надо вести себя по этому [тексту]. Я попробовала это читать и решила, это не для меня. Я не сумею...

ФБ: Надо сказать, что это не очень интересный текст...

ЛА: Каждый человек должен вести себя...

ФБ: ...в каком-то смысле интересный, но читать его трудно.

ЛА: Конечно. Нет, некоторые читали с восторгом и говорили, что он им очень помог. А я прочла и поняла, что я так действовать не смогу. Потому что в экстремальных обстоятельствах жизненных... А допрос КГБ – это экстремальное жизненное обстоятельство, не только потому, что опасен для тебя, а потому что очень боишься сказать что-нибудь, что повредит другим людям. Поэтому напряжение колоссальное, когда вызывают на допрос. И я поняла, что не смогу так действовать, даже если я буду знать все статьи: «Исходя из статьи такой-то...» Да не могу я так говорить, это мне не свойственно! Если я начну так говорить, я запутаюсь, ну и вообще это игра какая-то, я не смогу так.

Я выработала свои самые простые правила, которые, кстати сказать, мне, слава Богу, помогли... (пауза) В общем, я могу сказать, что ни разу... Меня очень много раз вызывали на допросы. Наверное потому, что моя фамилия на «А», а они же бюрократы, они составляют список по алфавиту, и меня всегда одну из первых вызывали на допросы.

ФБ: (смеётся)

ЛА: Иной раз, пока дойдут до середины списка, перестают. А я на каждый допрос попадала, причем одна из первых. Поэтому я этого напереживалась будь здоров, этих допросов. Но я придумала так: я, когда приходила к ним на допрос, говорила: “До того, как мы начнем с вами разговаривать, я хочу Вас предупредить, у меня довольно плохая память, и я буду часто говорить, что я не помню. Я правда не помню”. И второе: “У меня есть твердое правило: я не хочу, чтобы люди из-за меня испытывали неприятности. Вызов к вам на допрос – это для человека большая неприятность, по себе знаю. Поэтому я буду отвечать только на те вопросы, которые касаются лично меня. Если это касается какого-то другого человека, я, из этических соображений, отвечать на вопрос не буду. Я Вас заранее предупреждаю”. И я так и делала. Они меня спросят: «Вы знакомы с таким-то?» Я говорю: «Отказываюсь отвечать из этических соображений». Они говорят: «Ну Вы же с ним вместе в университете учились, как Вы можете быть с ним незнакомы?!» Я говорю: «Ну я же Вам сказала, что я про других ничего говорить не буду». Понимаете?

ФБ: Да, это очень хорошая тактика.

ЛА: Да! И всё! Я не то, что «Вы с ним публиковали вместе *Хронику* или нет?», а я начинала с того, что я про других не говорю – Вы меня вызвали, то что меня касается, я вам все скажу. Вот. Конечно, говоря, что я не помню, я им врала. У меня правда не очень хорошая память, но бывали случаи, когда я распрекрасно помнила, про что меня спрашивали, но этого могло повредить другим людям, даже если я про себя отвечу. И поэтому я говорила «Не помню». Иногда они мне верили, иногда – нет. Но что они могут сделать? Я не помню и всё тут.

Я обсуждала этот вопрос как-то раз с Чалидзе. А у него, так же как у Алика Вольпина было твердое... Он, по моей бабушке, он не врет. Понимаете? Но, у него другое. Я говорю, как же можно не врать, если вы повредите этим другим людям? А он говорит, надо сказать «Я отказываюсь отвечать». Я говорю, что формально Вы человека этим не выдаете, но на самом деле выдаёте. Тем, что до сих пор говорили, а тут отказываетесь отвечать. Ведь они же тоже не дураки сидят там, на той стороне стола. А он говорит, врать нельзя. Я говорю, да и моя бабушка говорила, врать нельзя, но я для себя сделала два исключения: вот в отделе кадров...

ФБ: Это Вы так решили, два исключения?

ЛА: Да, когда уже взрослая была, уже в диссидентстве. В двух случаях, в двух учреждениях можно врать: в отделе кадров и в КГБ. Потому, что это античеловеческие учреждения. Они все построены на лжи и для того, чтобы нам и другим людям пакость

сделать. Поэтому *им врать* – не грех. И хотя Чалидзе очень яростно против этого возражал, я сама себе разрешила (смеётся), что в отделе кадров и в КГБ врать – не грех, и врала. Ну в каком смысле врала? Говорила «Не помню».

ФБ: Я понимаю.

ЛА: Я не придумывала никаких жизненных обстоятельств, просто говорила «не помню», даже когда я помнила. Всё.

ФБ: Маленькая ложь.

ЛА: И моя совесть была чистой. Я не мучалась совестью, что я нехорошо поступила. Я знаю, что я нехорошо поступаю, когда я вру, а вот [там] я считала, что я хорошо поступаю, если я вру. Это во-первых. А во-вторых... (пауза) Ну в общем... Нет, ну иногда я не только говорила, что я не помню, иногда я и врала, или не объясняла. Понимаете? (пауза)

ФБ: В такой ситуации, сказать, что я отказываюсь отвечать на этот вопрос означает признать, что я [этого человека] знаю.

ЛА: Да. Вот, не делай человеку того, что не хочешь, чтобы он сделал тебе. Вот он так скажет, а меня вызовут на допрос. Я хочу, чтобы меня вызвали на допрос? Нет!

ФБ: Я понял.

ЛА: И поэтому я не должна подвергать этому другого человека.

ФБ: Вы сами это придумали?

ЛА: Я сама придумала. Я Вам говорю, меня очень часто вызывали на допросы. Вызывали одну из первых и мне пришлось разработать свою систему защиты (смеётся).

ФБ: Какой допрос был хуже всего для Вас?

ЛА: Самый первый, когда было неожиданно, и когда никаких правил у меня на этот счет не было. По делу Гинзбурга в 68-м году. Это был очень страшные для меня допрос.

ФБ: Вы уже пользовались этой тактикой?

ЛА: Нет, это я потом выработала.

ФБ: Выработали исходя из своего опыта допроса?

ЛА: Да.

ФБ: Из ошибок?

ЛА: Нет, ошибок, к счастью, не было. Я, честно говоря, не помню, после первого допроса, после второго, когда я это для себя сформулировала, но я стихийно начала так делать. Понимаете? А потом я уже сформулировала и стала им говорить наперёд.

ФБ: В какой году Вы это сказали в первый раз?

ЛА: Честно говоря, не помню. Я Вам говорю, допросов было много, сколько времени прошло, я не помню. Сейчас я правда не помню! (Оба смеются)

Но я должна сказать, что начиная с 68-го года меня стали здорово таскать. Поэтому я думаю, что где-то с начала 68-го года. Где-то в 68-м году я уже это изобрела, довольно быстро. Нет, я Вам говорю, это правило я стихийно, с самого первого допроса я инстинктивно – ну не хочешь человека подвести. Но вот это правило, я не помню, когда я *вот это* начала делать – когда я перед началом стала им говорить. Это я не помню, когда я первый раз сказала. Это не сразу было. Какое-то количество допросов я прошла, а потом я стала так говорить.

ФБ: И Вы начали это говорить каждый раз?

ЛА: Да! Вот с этого я начинала – «Я хочу вам сказать, прежде чем мы начнем разговор, у меня плохая память, я не буду отвечать из этических соображений...». И у меня очень часто было, что мне задают какой-то вопрос, а я говорю, что отказываюсь отвечать. А он говорит: “Из этических?” (Оба смеются)

ФБ: Иногда [допрашивал] другой человек?

ЛА: Разные люди, конечно.

ФБ: Но тоже уже знали?

ЛА: Ну некоторые во всяком случае так делали. Нет, ну [как] знали… А каждый раз предупреждала об этом. Я каждого предупреждала, и тем, кто вызывали повторно, я уже не говорила, они уже знали это правило.

У меня был с Таней Великановой по этому поводу был не то, чтобы спор... Таня Великанова взяла другое правило. Она, когда ее вызывали на допрос, говорила «Я с вами разговаривать не буду». Она вообще не отвечала на вопросы. Не буду разговаривать и всё.

ФБ: И она так делала? Просто молчала?

ЛА: Да. Молчала и всё. Задавайте, какие хотите вопросы, она не отвечает. И когда мне сказали, как Таня себя ведет, я пришла в восторг. Мне это очень понравилось. Но я прикинула на себя и поняла, что я не смогу так сделать. У меня просто нервов не хватит – молчать, когда...

ФБ: (смеётся) Интересно.

ЛА: Да. Вы знаете, это же надо быть очень твердым человеком.

ФБ: Да, но это тоже интересно. Я на прошлой неделе взял интервью у Александра Даниэля *? (44.24). Мы говорили о Татьяне Великановой, и он рассказал одну историю, из которой видно, что она была свободным человеком и решила [действовать] по своим рассуждениям. И то, что *Вы* говорите так же показывает, что Вы решили делать [по-своему].

ЛА: В экстремальных обстоятельствах каждый человек должен действовать по своей натуре, иначе он не может!

ФБ: В начале можно воспользоваться каким-то текстом, [чтобы понять], что делать, но только в начале.

ЛА: Вообще нельзя. Прочитать – можно, но действовать каждый должен в соответствии со своей натурой. Еще раз говорю, это экстремальные обстоятельства. И если здесь вы будете действовать не по своей натуре, вы не сумеете. Потому что в экстремальных условиях играть роль, а не быть самим собой – труднее... Играть роль – вообще трудно, а когда вы оказываетесь под таким психологическим прессом – играть роль? Ну я что, великий артист? Я не умею.

ФБ: Можно так рассудить, что если играть диссидентскую роль, то это тоже опасно.

ЛА: Так диссиденты тоже разные. Вы знаете, это тоже из семьи. Вот это мама уже. Ну это уже уроки более взрослому человеку, но мама несколько раз говорила и сама тоже так делала, что если человек с тобой говорит по-хорошему, надо всегда по-хорошему отвечать. Ну как можно с человеком, который с тобой вежливо, отвечать невежливо? Это невозможно. И надо сказать, что это у меня действительно есть – я не могу человеку отказывать или резко его оборвать, если он со мной вежлив. Я могу на невежливость дать какой-то отпор, но на вежливость – безоружна. И надо сказать, что вот эти следователи КГБ, они по-видимому все-таки психологи обученные. Потому что ни один из них никогда, не то что не нагрубил, они со мной всегда были подчеркнуто вежливы. И это меня обезоруживало, я не могла сказать «Я отказываюсь».

ФБ: Ну они тоже люди, в конце концов.

ЛА: «Я отказываюсь отвечать», вот как Таня. Какой бы он ни был, он с тобой хорошо, а ты говоришь «Я отказываюсь».

Часть 2

Меня очень растрогало, я прочла в записках Боннер Люси, что когда они были в Горьком, в ссылке, у них там в подъезде сидели КГБ-шники – был пост КГБ. И Андрей Дмитриевич, когда проходил мимо них, говорил «Доброе утро» или «Добрый Вечер», или там «Здравствуйте». Люся ему говорит: “Ты что с ними разговариваешь?! Это ж КГБ-шники!”, а он говорит: “Но ведь люди же”. Понимаете? И он говорил им

«Здравствуйте». И я это очень понимала, я тоже не могу... Вот у нас охранник сидит, я тоже не могу пройти и не сказать «Добрый вечер», «Здравствуйте», – *человек* сидит, понимаете? И такая же история со следователем. Вот если я вхожу, он говорит: “Здравствуйте, давайте я у Вас пропуск возьму, а то Вы забудете отметить. Давайте положим здесь, чтобы его видно было и мы не забыли отметить. Садитесь пожалуйста”. А потом: “Мы мне разрешите курить? Вы курите?”, я ему скажу «Не буду отвечать!» Ну не могу, понимаете? И поэтому я говорила: “Вы знаете, у меня плохая память, и потом у меня такое правило, Вы уж меня извините, но я буду так отвечать”. И я тоже с ними разговаривала вежливо. Но свое соблюдала. Потому что все-таки как бы вежливо со мной ни разговаривали, [другого] человека подвести, я понимала, нельзя.

И я должна сказать, что я этого ужасно боялась. Вот до того, как меня стали вызывать на допросы.. Меня довольно поздно стали вызывать, в 68-м году. А во все это дело я втянулась в 65-м, в связи с делом Даниэля. То есть 3 года вокруг меня вызывали на допросы, а меня не вызывали – я как-то к ним не попала на заметку, в связи с делом Даниэля, хотя я с ним дружила. Но я у него дома никогда не была, он приходил ко мне. И поэтому, может, они меня как-то не вычислили; и в связи с делом Даниэля, меня не вызывали.

Я очень всегда слушала, прибегала слушать тех, кого вызывали на допросы, чтобы они рассказали, как это было. И сама просто замирала от ужаса, я думала, вот меня вызовут на допрос, ведь они же – профессионалы, они умеют это, не дай Бог, я скажу что-нибудь, что кому-то навредит, и из-за меня пострадает человек. И что тогда делать? Как тогда жить с этим? А ведь я могу запутаться, они – профессионалы, а я – нет. Я *ужасно* боялась.

ФБ: До того?

ЛА: До того, как они стали вызывать. Потому что они очень простые люди. Когда они задавали вопрос, я понимала, что стоит за этим вопросом, каждый раз. И никаких проблем на этот счет у меня не было, и я успокоилась *в этом смысле*. Ну что значит успокоилась? Все равно я боялась, потому что очень большое напряжение, потому что можно что-то пропустить. Понимаете? Это как ко льву в клетку зайти.

ФБ: Можно сломаться неожиданно, что-то сказать...

ЛА: Конечно! Ляпнуть что-то можно, конечно! Поэтому напряжение огромное, следишь за каждым своим словом, за выражением лица, и это очень тяжело. Вот выйдешь с допроса и в этот день вот такая вот (показывает), два часа там пробыла – как будто целый день тяжело работала. Когда я с первого допроса вышла, Вы знаете, это было на Малой Лубянке. Сейчас там какой-то банк, а тогда это было тоже (пауза) не большой дом, а там близко от него маленький дом... Он меня принимал там, мой первый собеседник. Я когда вышла оттуда, дойти до метро Дзержинская, ну я не знаю, 250 метров... И я вышла и поняла, что я не могу дойти до метро, у меня сил нет. Я вышла, и прямо хоть садись на обочину тротуара, абсолютно без сил. И вдруг смотрю, идет 9-й троллейбус, и прямо около меня останавливается. И я села в этот троллейбус, хотя понятия не имела, куда он идет, просто чтобы сесть: он был довольно свободный.

Я села в троллейбус и там довольно близко была конечная остановка. Я доехала до конечной остановки, потом взяла второй билет, поехала обратно и уже сошла у метро. Вот такое было состояние.

Конечно потом легче бывало в следующие разы, но это большое напряжение. И в этот момент человек должен действовать сообразно своей натуре, иначе только хуже получится, это было бы очень фальшиво, смешно и глупо, если бы я начала на какие-то статьи ссылаться. Во первых, я бы статьи перепутала обязательно (смеётся).

ФБ: Касательно этих моментов, у меня был интересный разговор с Александром Даниэлем *? (5.48). Я спросил у него про статью Солженицына *Не жить по лжи*. Я заметил, что здесь может быть православный момент, апотеотический *? (06.02) момент, не лгать, отказаться от чего-то. И он сказал, что это имело сильное влияние на интеллигенцию вообще, но не так сильно на диссидентов.

ЛА: Потому что мы уже жили сообразно своей совести.

ФБ: Он сказал, что для диссидентов ближе этика Толстого – я не могу молчать.

ЛА: Совершенно верно.

ФБ: Можете ли Вы сказать что-то об этом?

ЛА: Вы знаете, на самом деле ведь когда Александр Исаевич (Солженицын) предлагал жить не по лжи, из самого текста его статьи [видно], что здесь речь идет не о лжи в семье, а о лжи в гражданском обществе. И в этом смысле, мы были в счастливом положении по сравнению с основной массой наших соотечественников, потому что мы уже жили по своей совести. Это даже не столько не по лжи, сколько по совести.

ФБ: В каком-то смысле эта статья была написана не для вас? Несмотря на связи Солженицына с движением по защите прав человека, это не было [написано] для интеллигенции вообще.

ЛА: Конечно. Это было для служилой интеллигенции написано, это ясно из примеров, которые он приводит. А мы уже так жили. Поэтому для нас это не было открытием – мы так уже жили. Может быть даже больше, я скажу, может быть даже модель нашего поведения и послужила для Александра Солженицына размышлениями над этой статьей, потому что уже были люди, которые так жили.

ФБ: Он был под вашим влиянием?

ЛА: Ну или во всяком случае размышлял об этом.

ФБ: У него был опыт конечно тоже...

ДА: Да, его собственный и не только его – он был не одиночка в этом отношении. Он, кстати сказать, больше скрывался, чем мы, потому что у него психология подпольного человека, а у нас – нет.

ФБ: Он любит заговор против государства...

ЛА: Заговоры, конспирации, секреты и т.д., а мы – нет. Я должна сказать, что я очень часто думала, как мне повезло в жизни, пусть даже когда мне было [уже] 40 лет, началось это открытое противостояние. Потому что как у человека, живущего в тоталитарном государстве, у меня был внутренний протест против этого, но до начала правозащитного движения, у таких людей была одна единственная возможность – это подпольные кружки. Я бы не пошла в такой кружок. Даже если бы вышло так, что кто-то мне предложил, про кого-то я узнала и т.д. Вот жить этой раздвоенной жизнью, где настоящая моя жизнь там, а в другой [жизни] я не должна о своей настоящей жизни никому сказать и никак себя проявить, я просто бы не смогла, я бы по-моему умом рехнулась, для меня это было бы слишком... ну трудно мне, я – не подпольный человек, я – человек открытый. И поэтому я могла только так, или вообще ничего.

ФБ: Понятно.

ЛА: Вот Александр Исаевич себя прекрасно чувствовал в подпольном кружке. А я – нет. И я думаю, что не только я, а многие из тех, кто пришли... Вот я могу сказать про Ларису Богораз, она бы тоже бы не смогла в подпольном кружке, она – открытый человек. И многие так, понимаете?

ФБ: Конечно. Хотя здесь интересный момент, который Вы довольно хорошо описываете в обеих Ваших книгах, о кружках в Хрущевское время, и даже в Сталинское время. С одной стороны кружки должны были быть не совсем открытыми...

ЛА: Да нет, я просто преклонялась перед людьми, которые это могли [делать], но я про себя знаю, что я не могу. И наоборот, если бы я знала, что есть какой-то кружок, а я бы не пошла в него, я бы себя очень плохо чувствовала – там настоящие люди, а я что же? Но я просто знаю, что есть какие-то вещи, которые человек может [сделать], а есть каике он не может. Вот этот страх, что я и себя и других выдам, а я бы выдала, я бы не сумела... Или вообще бы в сумасшедший дом попала, если бы я сумела... Но не могу я такие вещи делать, понимаете? Я – человек открытый, как говорится, свыше нормы открытый, мне не место в подпольном кружке. Это не то что достоинство или недостаток, это в каких-то [случаях] достоинство, а в каких-то – недостаток (смеётся). Но просто это качество человека. Я не могу это.

Например: конечно, находясь в правозащитном движении, мне тоже приходилось скрываться, и не только на обысках. Я же была машинисткой, которая печатала первую закладку *Хроники*, начиная с самых первых ее экземпляров, и до самого своего отъезда. Еще знаете, такой черновик, сложенный из разных-разных, я делала 8 экземпляров, потом уже эти экземпляры раздавали печатать другим машинисткам. Надо было таиться, а как же?

ФБ: Конечно.

ЛА: Вот. И я делала это по секрету. И меня вызывали по *Хронике.* По *Хронике* завели на меня дело по 70-й статье, предупредили об этом, вызвали в КГБ, предупредили, что

завели дело. Я тут же сообщила об этом в *Хронику*. В следующем номере *Хроники* было сообщение о том, что меня предупредили. Они подозревали, что я имею причастность... То есть они не только подозревали, Якир и Красин дали показания, что я причастна к *Хронике*. Но к счастью, они догадывались, что я причастна, но у них не было конкретного материала для доказательств. И поэтому я на допросах по *Хронике*, я отказывалась отвечать «не помню» или «из этических соображений».

ФБ: (смеётся)

ЛА: И никого я не подвела, и себя не подвела, понимаете? Хотя они знали, что я вру. Там в одном номере *Хроники*, 13-й номер, когда уже арестовали Наташу Горбаневскую, 11-й выпуск *Хроники* был готов. И они, специалисты эти, так проводили обыск, что они не взяли номер готовой *Хроники*. Он лежал неспрятанный, именно может быть поэтому они его не заметили.

ФБ: Не хотели найти?

ЛА: Нет, не заметили. Они плохо работают. Они никакие не специалисты. Я их поэтому и перестала бояться, они очень примитивные люди. Такие же как сейчас, они не умеют работать. Я очень быстро убедилась, что они знают только то, что мы им сами расскажем. И вывод из этого такой: не надо им рассказывать, они не будут знать, вот и всё. Я так и действовала.

Так что, 11-ый номер вышел вскоре после Наташиного ареста. Двенадцатый номер мне не принесли печатать, я не знала, кто его делал. Я получила уже [готовый] 12-й номер *Хроники* и пришла в ужас, потому что он был очень плохо сделан. Наташа – прекрасный профессиональный редактор, она делала очень хорошо, а 12-й номер – безобразный. Я тоже профессиональный редактор, я посмотрела и пришла в ужас. Да что это такое? И я очень громко в разных местах, не зная, кто делал этот номер, возмущалась – что у нас, редакторов что ли нет? Почему продукция такая? Надо дать это делать человеку, который может это сделать профессионально. А оказывается это делали Ира Якир и её подружка, и моя подружка, Ира Белгородская. Молодые девочки, старательные, но они никакие не редакторы. И поскольку я очень возмущалась, и Ирочка это услыхала, то, когда они собрали материал на 13-й номер, они обратились ко мне. Ну как они обратились... Они позвонили мне домой и попросили приехать к Ире Якир, она жила тогда на Рязанском проспекте. Я поехала в эту даль. Приезжаю туда, они обе сидят и говорят, что вот у нас 13-й номер, надо отредактировать. Мы сели редактировать. Я приехала к ней вечером и по-моему или у них тогда телефона не было... в общем, я мужу не позвонила, а приехала чуть ли не утром, в 6 утра, первым поездом метро, потому что мы просидели целую ночь. Мы сидели, естественно, в освещенной комнате; высокий этаж, поэтому окна незакрытые... А, по-видимому, за Ирой Якир из соседнего дома было за окнами наблюдение, и они видели, что происходит в этом доме. Может они и не слышали, но они видели, что мы делаем какой-то... А потом, когда они арестовали Иру Белгородскую, она дала показания. Ей задали вопрос, и она сказала, что в тот вечер, на Рязанском проспекте, мы втроем редактировали 13-й номер *Хроники*. Она дала такие

показания, это уже были конкретные показания, это не как Якир и Красин, и меня вызвали по этим её показаниям.

ФБ: Вызвали поэтому?

ЛА: Да. Ну сначала вызывали по Якир и Красину, говорили, вы делаете украинский отдел *Хроники*. А у *Хроники* тогда не было украинского отдела, были просто украинские материалы. И они были правы, я поставляла эти материалы в *Хронику* потому что я дружила со многими женами политзаключенных украинцев. Когда они ездили на свидания и обратно со свиданий – в Мордовии тогда были лагеря, а потом уже в Перми – но все равно, они ездили через Москву. Они, когда приезжали в Москву, им надо было прокомпостировать билеты, купить здесь продукты, и они оставались на ночь. Обычно они у меня ночевали, у меня был такой украинский постоялый двор. Они, когда приезжали, рассказывали, что происходит на Украине, а потом, когда приезжали со свиданий из лагерей, рассказывали новости из лагерей. Я все это записывала и передавала в *Хронику*. Так что действительно большую часть украинских материалов передавала я. Но они, Якир и Красин, не знали этого. Они только знали, что я дружу с женами украинцев и что они у меня останавливаются. И поэтому решили, что... в общем легко было вычислить: вот приезжала там такая-то и после этого в очередной *Хронике*... А где она останавливалась? У Люды! Ну Люда и передала. Но они не знали этого, они никогда не видели, чтобы я у кого-то брала материалы и передавала. И когда мне сказали: “Вы вели украинский отдел *Хроники*?”, я сказала: “У *Хроники* есть украинский отдел? Я не знала. А какие еще отдела есть у *Хроники*?” Понимаете? Как-будто я не знаю. А они говорят, что вот показывают, что Вы вели украинский отдел. Я говорю, ну слушайте, это не показания, это донос, потому что если это показания, то пусть скажут: где, когда, кому, какой материал я передавала. Тогда будем разговаривать. А то, что им кажется, что я передавала – это ерунда, я понятия не имею. Тут я конечно врала напропалую, не ограничиваясь этическими соображениями, потому что речь шла обо мне самой; тут я не могла говорить «из этических соображений».

А когда они Иру арестовали и говорят: “А вот Ира сказала, вы 13-й номер Хроники [редактировали]”, а я говорю: “Она ошибается”.

- Ну Вы что, она же Ваша подруга.
- Очень близкая, очень любимая подруга.
- Ну так если она дает такие показания, она, что, хочет Вам какую-то неприятность причинить?
- Я никогда не подумаю так на Иру. Она – очень хороший человек.
- А почему же она дает такие показания?
- Я не знаю, почему она дает такие показания, этого не было.

Они понимают, что я вру. Тогда они вызывают на допрос Иру Якир и задают ей тот же вопрос. А Ира Якир говорит: “Не было”. Они знают, они прямо из себя выходят, но мы обе говорим «не было», она говорит: “Ну значит у нее какая-то аберрация в мозгах”. И всё!

Мне за *Хронику* предупреждение по 70-й статье, но меня ж не арестовали, ничего. Понимаете? Потому что мы обе стояли на том, что «не было и всё»; и смотрю ему честно в глаза. И Вы знаете, абсолютно меня совесть не мучила, что я вру. Абсолютно не мучила! Я выходила оттуда и думала, какой я молодец (смеётся), что я так ловко соврала! И именно потому что меня совесть не мучила, именно поэтому я могла абсолютно... Я врала с чистой совестью и поэтому врала очень естественно. Ну всё. Понимаете? И никаких переживаний у меня по этому поводу не было. И бабушкина мораль тут не сработала.

И еще один раз так было, когда они точно знали, что я вру, а я говорю: “Нет, я ничего не знаю” – это по Алику Гинзбургу. Мы с ним разговаривали по телефону, и он что-то мне сказал, я уже честно, вот правда, не помню (смеётся), что он мне сказал. А телефоны прослушивались, и его, и мой наверное тоже уже. И они мне говорят: “Вот о чем это Вы говорили с Гинзбургом?”, а я говорю: “Так не было такого разговора”. А он дает мне распечатку телефонного разговора. Я смотрю, ну я помню этот разговор, конечно, хотя ничего особенного там не было, но когда я смотрю распечатку, я вспомнила. Я говорю: “А что это такое? Откуда это взялось?”

- Это распечатка Вашего разговора.
- Ну значит Вы меня с кем-то спутали, не знаю, не было такого разговора.
- Людмила Михайловна!
- Не было.

(смеётся) И всё. Понимаете? Он прекрасно понимал, что я вру.

А, еще один раз было, когда арестовали кого-то из украинцев... Не помню, кого-то из украинцев, моих друзей, арестовали. И приехала от туда очередная ‘жена’. Я могу спутать, но по-моему это была Нина Строката, Караванского жена, из Одессы. Она остановилась у меня, как всегда. И она мне говорит: “Я была у Пети Якира, они готовы создать комитет по защите этого украинского арестованного. Петя готов войти, Красин готов войти. Вы с ним дружили, Вы готовы войти?” А у меня тогда было твердое убеждение, что нам организации создавать не надо. Это значит было до 69-го года, потому что, когда инициативная группа создалась, я поняла, что организации нужны. Значит это было до Мая 96-го года. Она говорит, что, вот комитет... Я ей говорю: “Ниночка, я Вам скажу, я считаю, что это ошибка – создавать комитет, особенно для вас – украинцев. Ведь всех, кто войдет в комитет, арестуют. И тогда мы должны будем создавать столько комитетов, сколько будет арестованных”. А что мы можем сделать как комитет? Я не представляю себе, что мы можем сделать как комитет того, чего мы не можем сделать, не будучи комитетом. Написать письма в их защиту? Давайте напишем. Но тем не менее, я с этим человеком... Я вот к сожалению...

(Телефонный звонок. Запись прервана)

... Если все решат устроить комитет, я войду в комитет. Если будет создан комитет, то конечно я войду потому что это мой друг, и это будет, сами понимаете, как расценено. Но я считаю, что комитета не надо. Они этот разговор... Или она где-то пересказывала, или они уже слушали не только телефон, но дом мой, я не знаю, но они этот разговор

узнали. И когда Якира арестовали, меня вызывали... Да, и комитет так и не был создан, потому что когда она пришла, то сказала такую вещь, что украинцы меня послушались, и комитет так и не получился, и Петя очень негодовал, что я им сорвала комитет. И когда Петю арестовали, и меня стали вызывать на допрос по нему, то они мне говорят: “Вот комитет должен был быть создан...”, я говорю: “Я никогда не слыхала”.

- Людмила Михайловна! Ну ведь Вам же имеет смысл рассказать про этот комитет, Вы же отказались в него вступать! Вы их убедили не создавать комитет, почему же Вы отпираетесь? Это же Вам на пользу! Вы сами на ниточке висите сейчас!
- Я бы с удовольствием, но ничего не могу сказать.

Понимаете? То есть несколько раз они знали, что я вру. Но, не говорю и всё тут (смеётся). Это меня не смущало, что они знают. Знайте. А я не скажу (смеётся).

ФБ: Другой вопрос: почему так много интересных, ярких, талантливый женщин в диссидентском движении. Меня поразило: Вы, Наталья Горбаневская, Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович, София Калистратова, много других...

ЛА: Лариса Богораз – потрясающая женщина.

ФБ: Лариса Богораз... Потрясающее количество женщин. Интересно. И даже наши феминисты на Западе не заметили этого.

ЛА: А потому что мы женскими правами, специально, не занимались.

ФБ: Может быть потому что... Не знаю, мы не будем об этом говорить, но почему так много?

ЛА: Я об этом думала, и я не знаю, правильный ли, но у меня есть ответ на это. Я сама считаю, что я знаю, почему это. Во-первых, несмотря на то, что в конституции советской было записано о равенстве женщин, и в каком-то смысле, мы ушли вперед по сравнению с Западом, потому что у нас, начиная с 20-х годов, женщины работали. И как это ни тяжело, потому что получалась двойная нагрузка, ведь, разрешив женщине работать, наша традиция не освободила женщину от домашней работы. У нас мужья помогают меньше, чем на Западе, хотя там хозяйство вести легче, чем здесь. Даже мои сыновья, пока они жили здесь, они женам не помогали. Уехали в Америку – стали помогать; где можно кнопки нажимать, понимаете, у стиральной машины? Не потому что они лентяи, а потому что они нормальные люди – здесь никто из мужчин этого не делал, и они не делали; там они смотрят, все делают, и они стали делать – это общая мораль. Поэтому на женщину конечно ложилась колоссальная нагрузка, но тем не менее то, что мы работали...

ФБ: Это готовило женщину, чтобы участвовать...

ЛА: Да, это как-то вовлекало женщину в какую-то общественную жизнь, направляло её ум за пределы домашнего хозяйства и семьи. Поэтому у нас много таких женщин, которые испытывают такую потребность. У нас при том, что конституция делает нас

равными, конечно, существует дискриминация. Не случайно женщины оказываются в массовом порядке на самых низкооплачиваемых должностях. Почему у нас среди врачей так много женщин? Потому что у нас врачам платят не так, как в Америке, а наоборот это одна из самых низкооплачиваемых профессий, или учителя, да? Это во-первых. И во-вторых: вот будет там коллектив, скажем, в школе. Будут в нем 20 женщин и 3 мужчины. И когда будут назначать директора, так назначат мужчину. Причем не потому, что он талантливее или опытнее, а потому что он – мужчина. Это у нас есть, у нас женщине выдвигаться труднее. И поэтому очень многие женщины в советское время [самореализоваться] на работе не могли, потому что то, что они делали на работе было меньше чем, то, что они были в состоянии сделать. Я имею в виду таких энергичных, талантливых женщин, им не хватало самоосуществления, которое им предлагала профессия. Конечно, у нас можно было делать карьеру в партии, женщинам. Я должна сказать, что хотя у нас мало партийных женщин – функционерок, я по себе знаю, что женщине в партии можно было сделать карьеру; активной, соображающей женщине можно было... Я чуть-чуть не сделала карьеру в партии; я её не сделала потому, что я не захотела. Но, я думаю, что здесь такие же соображения у женщин были, как у меня – почему я не захотела сделать карьеру... Мне долго рассказывать, как это получилось, но я в двух словах скажу, что у меня появились сомнения всякие... Я очень из советской семьи, Вы читали мою книжку... Родители – члены партии. Я выросла вполне с такой советской моралью, такая советская девочка. Но где-то уже с первых курсов университета, я видела, что говорится одно, а делается другое. Надо было [понять], что же происходит в стране. И поэтому я решила, что наверное потому, что карьеристы пошли в партию, они извратили её генеральную линию и поэтому у нас всё так все плохо получается. Надо самим идти в партию, оттеснять тех и добиваться, чтобы порядочные люди, верные идеалам партии, стали ее направлять... И, я вступила в партию из-за этого: анкета у меня позволяла, она была, как стёклышко. У меня была удивительная семья, не было репрессированных, не было на оккупированных территориях, не было родственников заграницей, ну ничего не было – как полагается советскому человеку, и плюс еще русская. Я стала заниматься, но у меня правда не было карьерных соображений.

ФБ: Вы были членом партии...

ЛА: Да! Да.

ФБ: До какого-то момента...

ЛА: До 68-го года, когда меня исключили за письмо (смеётся) по поводу дела (неразб.)

ФБ: Именно этот момент, может я и мужчина, но карьера важна для идеинтичности *? (32.27).

ЛА: Вот! Совершенно верно. Я вступила в партию, не имея желания карьеры, именно желая...

ФБ: Что-то сделать, быть ответственной...

ЛА: С теми же соображениями, которые потом меня в диссидентское движение привели. Но только тогда его просто не было, и единственная возможность общественной жизни была в партии; непартийные люди вообще были отстранены от любой активности. Я вступила в партию и начала очень активничать. И это я вступила в 52-м году в кандидаты партии, в 53-м году в члены партии, и я очень была активна. И в 53-м году, когда у меня кончилось как раз после университета, вот я 3 года отработала – полагалось за бесплатное образование отработать; и я решила идти в аспирантуру. Причем я кончала университет как археолог, а здесь я решила идти в аспирантуру по кафедре История Партии для того, чтобы разобраться, что же там произошло. Вот 3 года я могу сидеть, читать и т.д. Но так как я человек очень деятельный, то я решила еще использовать эти три года для того, чтобы второго ребенка завести. Вот я, значит (смеётся), уже жду своего сына и думаю в аспирантуру. И мне звонят из обкома (областного комитета) комсомола, где я была руководителем лекторского бюро *уже*, пока я там 2 года активничала, и говорят, мы Вам предлагаем идти к нам в штат инструктором обкома комсомола. Это номенклатурная должность. И очень многих из тех, кто начинал так... Вот, он работает хорошо, его уже берут инструктором из комсомола в ЦК партии (центральный комитет) или делают секретарём райкома (районный комитет) комсомола, а потом в партию... Короче говоря, это такой эскалатор, где вы становитесь на первую ступеньку и дальше, если вы стараетесь, то вас поднимают. И я вполне могла, встав на эту ступеньку, пойти [дальше]. А так как меня уже разъедали сомнения – побыв 2 года в партии, я поняла, что карьеру-то я сделаю, а вот партию не исправлю. А карьеру я делать не хотела. И я им говорю: “Вы знаете, да нет, я уже решила в аспирантуру идти, документы подала”. А они говорят: “Да Господи, если ты будешь инструктором, так ты за 2 года напишешь диссертацию!” И знаете, какие диссертации, им по блату давали эти звания... Я говорю: “Ну и потом я честно Вам скажу, что я беременна, я решила ребенка завести”.

- Ну так возьмешь няньку! У тебя же будет хороший оклад!

И потом они знали, что мы жили в одной комнате в коммунальной квартире, это действительно было для нас большой проблемой, денег на квартиру, конечно, не было. Ну тогда трудно было даже за деньги купить кооперативную квартиру, тоже надо было какие-то ходы иметь, которых у нас не было.

И когда они сказали, что сразу квартиру дадут, я сказала, что я посоветуюсь с мужем. И я говорю мужу: “Слушай, вот такое дело...” А он задумался, а потом говорит: “Ты знаешь, но ведь это же придется одеваться как они, говорить как они, с ними дружить. Ну их на фиг. Будем в своей одной комнате, будем со своими друзьями, будем самими собой”. И я так расчувствовалась, что даже поцеловала его и говорю: “Правильное решение! Не хочу я туда идти”. Потому что я уже видела эту среду, и я в нее не хотела.

Поэтому, так же, как и другим людям, сделать по-честному карьеру женщине было очень трудно, а карьеристские соображения действительно у женщин реже, чем у мужчин. А правозащитное движение нам давало необычайную в этом отношении возможность, там же не было отбора, мужчины или женщины, кто придёт...

ФБ: И потом это не было карьерой, это было каким-то социальным общественным движением...

ЛА: Конечно! Причем очень полноценное. Очень полноценное! Я должна сказать, что я считаю, что у меня полноценная жизнь, настоящая, когда я начала жить в согласии с самой собой, началась с того, что я вошла в это движение. Вот до 40-ка лет, вроде по обстоятельствам моя жизнь была очень счастливая, всё в порядке дома, дети...

ФБ: Жизнь в каком-то плане началась только в этот момент.

ЛА: Потому что я все время чувствовала, что я какая-то не такая, что я какая-то чудачка... А тут я вижу, что люди хотят того же самого. Это во-первых. А во-вторых, я натура очень деятельная и очень организованная, я много успеваю сделать за день. И мне не хватало: работа, семья; мне надо было делать что-то такое, ради чего стоит напрягаться. И вот это дало мне необычайный простор для работы. Для работы, которую я понимала, зачем я делаю. Ну в общем, ради чего живешь, да. Потому что до этого не понятно было, ради чего живешь.

ФБ: В каком-то смысле для многих членов диссидентского движения это было так: первый раз в жизни работать с людьми, которые Вам близки и для достижения какой-то цели. Это довольно важно, просто вот это.

ЛА: Именно это! Именно это. Я Вам говорю, что до того у меня все время... Понимаете, с одной стороны, мы, выросшие в советской власти – это и для мужчин и для женщин одинаково – нам внушали, что в жизни должна быть сверхзадача, что нельзя жить просто вот так – зарабатывать для своей семьи, ну интеллигенция конечно; что должна быть какая-то высокая благородная цель в жизни. А её не было. Её не было! И поэтому я говорила, вот, двое детей, надо их воспитывать... И при этом плакала каждый вечер! Потому что, ну что, ну прошел день... Понимаете? А тут, всё! Все сомнения снялись, я нашла свое место в жизни. И это действительно мое место в жизни. Видите, мне 75 лет, чего в жизни ни случалось, я здесь. И больше мне ничего не надо. Я никуда не хочу, я здесь хочу, мне здесь интересно, я здесь нашла свое место. Это первое.

А второе, почему много женщин... Вы знаете, удивительная вещь, но наше КГБ относилось к женщинам гораздо мягче, чем к мужчинам. Мужчины быстрее попадали под арест. Вот примерно 2 года, в среднем, и мужчину арестовывали. А нас – нет. Ведь я начала в середине 60-х годов, и смею Вас уверить, что я сделала гораздо больше, чем многие мужчины, которых арестовали и посадили. Потому что человек я, повторяю, деятельный, я с утра до вечера только этим и занималась. И они меня не трогали. Они ж меня выпустили!

ФБ: В этом смысле [прежний] менталитет вам, женщинам, очень помог.

ЛА: Да! Да! Да.

ФБ: (смеётся)

ЛА: И потом мы двужильные. Мы привыкли работать. Мы много делали. Я проработала в движении 12 лет! Прежде, чем я уехала. И они меня не посадили. Понимаете? Так за двенадцать-то лет! Ну вот Лариса на демонстрацию вышла, а если на демонстрацию не выходить, то... Мало женщин под арестами оказалось. Мы работали, они нас не трогали. Вот я знаю, когда они начали всех подряд арестовывать – в 79-м году, перед войной в Афганистане. Вот когда и Таню замели...

ФБ: Это было очень тяжелое время.

ЛА: Это очень тяжело. Вот если бы я осталась до 79-го года здесь, меня бы тоже арестовали. Вот когда Таню арестовали, меня бы тоже арестовали – они же знали, что я *Хроникой* занимаюсь. Только я не попадалась вот так вот, чтобы меня... Они несколько раз забирали у меня пишущую машинку, дома, на обысках. Но я человек, все-таки, осторожный. У меня дома стояла пишущая машинка, на которой я зарабатывала. И у меня была вторая пишущая машинка, жуткая – «Underwood», знаете такое? Я её подержанной в комиссионном [магазине] купила. Я её никогда домой не приносила, она стояла у знакомых у каких-нибудь. *Хронику* и всё, что я печатала в Самиздат, я печатала не на своей домашней машинке, а на той. И когда они брали мою машинку, они мне её возвращали назад, потому что они не находили запрещенной литературы, на ней напечатанной. А ту, они так и не словили. Потому что я печатала такие материалы в домах, куда с обысками не ходили. Это не были диссиденты, это были сочувствующие люди. И я приходила к ним, 2-3-4 часа работала и потом уходила. То есть видите, я тоже действовала, как подпольщица, в каком-то смысле. Элементарные правила я соблюдала, и это позволило не сесть, потому что они так плохо работали, что если хотя бы... Но другое дело, что мы плохо сохранялись. Мы друг друга стоили: они – не профессионалы, и мы – не профессионалы. Я все-таки употребляла элементарные правила осторожности: вот я не печатала на машинке, которая стояла дома... Хотя ужасно не хотелось, знаете, вечером, освободишься на 2 часа, и нет, чтобы дома сесть попечатать, надо куда-то переться, денег на такси нет, надо на общественном транспорте, потом так же возвращаться – неохота ужасно. Но я каждый раз думала, а садиться в тюрьму охота? Нет, лучше схожу.

И вот так было, и я не попалась ни разу. Ни разу меня не [поймали] здесь с моими материалами напечатанными. И вот когда уже в Хельсинской группе... Ну материалы Хельсинской группы я печатала дома на машинке, потому что это были открытые материалы, мы же их не скрывали. Поэтому меня в 79-м году посадили бы – из-за Хельсинской группы начали сажать. Но я всегда делала запасной экземпляр и сразу после того, как напечатаю, брала этот запасной экземпляр и ехала к своей подруге Аде Никольской, у которой стоял под кроватью чемодан, и я туда клала этот документ. Потому что я знала, что придут с обыском и всё выгребут, и мы лишимся архива. А это был архив Московской Хельсинской Группы, там сохранились все документы. Но не дома, а в таком месте, куда они с обыском не придут, потому что Ада Никольская, моя давняя подруга, никакого отношения, к диссидентскому движению не имела. И то, что я к ней бегала, никакого подозрения не вызывало, потому что они знали, что мы подруги многолетние. И я к ней правда бегала, и это никакого отношения к моей правозащитной работе не имело.

Ну в общем, я какие-то правила конспирации соблюдала. Мне это было глубоко противно, но я понимала, что это надо делать и делала. Опять же, КГБ обманывать – не стыдно.

ФБ: Еще можно задать два вопроса. Я как-то разговаривал с Сергеем Ковалёвым, и он шутил [...]

[…] совесть очень сильно и тонко [связана с вопросами] общения с государством: что сказать, не сказать и так далее. Но может быть не так сильно, [когда это касается], скажем, [общественной] собственности, например, купить или не купить билет на транспорт, или например в семейной жизни. Я не хочу сказать, что не все диссиденты честные люди...

ЛА: У нас есть эта психология, что билет можно не покупать. Я должна сказать, что здесь, по-видимому, я отличаюсь, потому что бабушка [научила]. Я не могу не купить билета.

ФБ: Я не знал, был ли он прав или нет.

ЛА: Я не осуждаю людей, которые так делают потому что это общая мораль, и я понимаю, почему это. Потому что у нас такое государство, люди ощущают себя по отношению к государству, как я ощущала себя по отношению к КГБ, что это враг. И с ним можно не считаться.

Понимаете, у меня была идея такая: почему нельзя на работе плохо работать? Вот говорят: за такие деньги, какие нам платят, чего работать? Я говорю, ну вы же согласились работать за такие деньги. Если вы согласились, то вы должны выполнять работу. Если вы не согласны выполнять тот объём работы, то тогда не надо соглашаться. И это наверное от того, что здесь деньги – не мерило. Это тоже наверное с детства. Что не по деньгам надо...

(Конец записи)